

О СУБЪЕКТИВНОМ ПРИЗНАНИИ ИСТИНЫ*

Аннотация. Исследуя феномен признания истины как комплексный аксиологический акт, автор предметно рассматривает сущность и взаимосвязь объективных и субъективных оснований этого явления. Конституирующая объективное основание признания чего-либо истинным объект-интенция суждений должна обладать такими характеристиками как общезначимость, достаточность и универсальность. Вычленяются три ступени признания истинности по субъективному основанию: мнение, вера и знание. Раскрывается содержание этих ступеней как составляющих духовности, эксплицируются особенности их «кристаллизации». В данной связи рассматривается феномен идеологии в качестве формы удостоверения истины по недостаточным объективным и достаточным субъективным основаниям, анализируется ее имманентная специфика как разновидности тенденциозного, дезориентирующего духовность сознания.

Ключевые слова: знание, мнение, вера, идеология, признание истины, демонстрация, удостоверение познавательного содержания.

Субъективное признание истины как аксиологический акт – феномен комплексный: он складывается и протекает на фоне наличия объективных и субъективных причин.

Объективное основание признания чего-то истинным конституируется объект-интенцией (О-интенция) суждений, в которых столько истинного, сколько отвечает природе познаваемых вещей (несет истину в себе). Объективно-достаточное основание признания истины оформляется в экспертизе – фронтальном концептуальном и практическом опробовании знания (логическая и эмпирическая проверка, оправдание, испытание, проработка). Удостоверенная О-интенция суждений поэтому детерминирует их интерсубъективность, общезначимость – для каждого гносеологически стандартного, среднетипического, среднестатистического познавателя возникающее в качестве интегрального эффекта испытаний (в случае верификации) основание признания чего-то истинным обладает и достаточностью и универсальностью. В противном случае разрушаются каноны познавательных отношений, появляются симптомы гносеологических девиаций.

Субъективная значимость суждений, или признание истинности по субъективному основанию, имеет три ступени: мнение, вера, знание.

Мнение есть сознательное признание чего-то истинным по недостаточным субъективным и объективным основаниям. Характеризуя чувственное отношение субъекта к истине, связанное с когнитивной неуверенностью, мнение сопряжено с гносеологически гомологичным ему сомнением, возникающим в ситуации нехватки или отсутствия субъективного опыта, сковывающего простор квалифицирующего суждения: является ли некое положение дел истинным. Мнение означает отсутствие у субъекта принципиального, последовательного взгляда на некоторый предмет одновременную наличность разноречивых сомнений, существование которых – за неимением ясных оснований (аргументов) – не позволяет однозначно судить о предмете [1]. Проблема отсева альтернатив в границах мнения сродни метаниям буриданова осла: отсутствие системы коррелятов предпочтения либо торпидирует выбор, либо реализует его как полуинстинктивное, бездоказа-

* © Осипова А.М.

тельно-безотчетное, спорадически-произвольное действие. Чем руководствуется, почему поступает именно так в рамках мнения субъект, не знает и он сам: любая случайность, любая деталь могут сыграть роль соломинки за которую человек хватается.

Гносеологически изоморфна мнению догадка, не представляющая сознательного признания за истину заключенного в ней содержания. Скажем, решая проблему становления научного атомизма, следует разводить высказывания современного естествознания и греческой философии. Атомизм Больцмана, Смолуховского, Резерфорда – нечто иное, нежели атомизм Левкиппа и Демокрита. Игнорировать это различие означает нарушать «чувство истории», смешивать знание и гносеологически альтернативную ему догадку. Догадка включает неявную, неустойчивую, случайно фиксированную истину, достоверность *in ipse*. Последнее подчеркивает: «знать» и «знание» не совпадают с «быть истинным», «обладать истиной», они означают «признавать истиной», имея на то соответствующие дискурсивные основания.

Вера есть сознательное признание чего-то истинным, достаточное с субъективной, но недостаточное с объективной стороны. Как и в случае мнения, здесь мы имеем дело с изумительным и непонятным инстинктом, актом «скорее чувствующей, чем мыслящей части нашей природы» [2, 293]. Отличие одного от другого заключается в том, что субъект-интенция (С-интенция) признания истины опирается на ощущение согласованности (а не несогласованности, как в условиях «мнения») суждений с прежним субъективным опытом, всем мирозерцанием, ощущение, которое в противоположность мнению (сомнению) поставяет момент убежденности, несомненности, истинности чего-либо для субъекта.

С гносеологической точки зрения вера есть скрытый параметр, вводимый в субъективно значимую ситуацию для стабилизации поведения, упразднения неоднозначности, выбора вполне определенной жизненной линии. Объект и принцип веры не достаточен и не значим для всех; он достаточен и значим для меня. Веруя, я апеллирую к свободной высшей воле, надеясь на ее вмешательство в мою собственную судьбу, – тем самым я упрочиваю порождаемые мной цепи причинения.

Под гносеологический типаж «веры» подпадает «идеология», также выступающая формой удостоверения и признания истины по недостаточным объективным (сообщающим универсальность) и достаточным субъективным (идущим от особого характера субъекта) основаниям. В традиционной лексике понятие «идеология» употребляется для обозначения свода взглядов на реальность, способы ее освоения, трансформации с позиций целей, ценностей, идеалов, принятых различными субъектами социокультурной жизни, начиная с индивида, группы, класса, общества, сообщества и кончая человечеством в целом. Фиксирующая, отражающая и выражающая многообразные субъективные интересы «идеология» (во всяком случае до сего дня) аттестует виды партикулярного, кружкового, т.е. всегда частичного сознания. От прочих модификаций последнего и в особенности образований массового, повседневного сознания идеологию отличает устойчивость: модели субъективных ориентаций, самоутверждений, действий и последствий в социуме достигают здесь степени прочности предрассудка, что является следствием всесторонней обработки, стереотипизации обыденного сознания, итогом немалых, в частности, и пропагандистских усилий.

Отсутствие достаточных объективных (опирающихся на доказательство, проверку) и наличие достаточных субъективных (персональные ожидания, прозрения, антиципации) оснований для признания чего-то истинным делают идеологию разновидностью тенденциозного, нарочитого, умышленного, «себе на уме», нагруженного сознания. Такому сознанию присущи:

– спекулятивность – своеобразный примат идей, воспаряющих над реальностью, производными от нее интересами. Продуктам, фрагментам, компонентам сознания, идеям в пределах идеологии уготавливается автономная, конституирующая функция с полным игнорированием земных источников и условий их (идей) возникновения. Идеи превращаются в руководящий, направляющий, определяющий относительно действительности параметр;

– иллюзорность. Отсутствие рефлексии, понимания реальных источников идей на фоне демонстрации предметов такими, какими они идеологам кажутся, означает абсурдизацию действительности, изображаемой в превращенном, перевернутом виде, точно в камере-обскуре. По этой причине идеологический процесс – процесс «творения человеческой головы» – в основе своей мистификаторский, и следовательно, ложный;

– догматичность. Идеологическое сознание – фокусированное сознание: для отправляющегося от исходных (незыблемых, априорных) принципов идеолога главное – остаться им (принципам) верным, проявить преданность, неотступничество. Идеологу хватает стоицизма не менять своих мнений даже о вещах, которые его огорчают. И в этом смысле вопреки Марку Аврелию идеолог в полной безопасности от них. Идеолог невозмутим и неколебим. Душа его безмятежна, вращается в модальности *de dicto*, предопределяющей: а) подмену позитивных исканий методологией. Идеолог представлен в позиции «перст указующего»: не проводя исследований, он поучает, как надлежит проводить их; б) превращение теории в разновидность прожектерского сознания. Прожектерство – модификация сектанства. Отгороженное от жизни плотно закрытыми дверьми безоглядного доктринерства, подобно сектанству, оно занято выработкой ответов на никем непоставленные и незаданные вопросы; в) отсутствие радикальности, под которой понимается способность понимать вещь в ее корне. Мысль идеолога скользит точно по маслу, ибо ищет он не там, где требуется искать, а где светлее. Он не анализирует, а спрягает, согласует, связывает и увязывает, дефилируя по поверхности и останавливаясь у первой неоднозначной версты, дабы самоисчерпаться, утратить интенцию на постижение глубинных смыслов происходящих событий. Он говорит о чем угодно много и преимущественно хорошо, однако далек от сопоставления причин со следствиями, прослеживания сущностных связей наглядно данных частей с природой целого;

– апологетичность. Будучи субъективно ориентированным типом духовного производства, ввиду своей локальности, идеология мало-помалу утрачивает способность реалистичного рассмотрения, – чем дальше, тем больше отходит от фактической природы вещей, превращается в искаженное отображение, в иллюзию. Неспособная к изменению, к прогрессивной самокорректировке согласно требованиям жизненных реалий идеология становится безоглядой защитницей принятой (заданной) линии. Несостыковка с действительностью, контрпримеры, явные и скрытые противоречия, неувязки до мозга костей враждебны идеологии, но ею не принимаются: не реальность порождает на свет идеологию, а идеология реальность. Чем капитальней рассогласования, тем тверже, несокрушимей идеология. По самой сути своей она противостоит критицизму и в данном отношении сближается с мифом; процесс идеологического творчества становится процессом производства идеологом, смыкается с мифотворчеством;

– авторитарность. Обслуживая частные субъективные интересы, идеология приписывает им всеобщность, выдавая за универсальные. Именно по этой причине идеология не терпит диссидентства, инакомыслия. Беспрекословное, слепое подчинение бытия данному виду сознания, практики – данному множеству идей, реальности – данной совокупности принципов – подлинное и окончательное кре-

до идеологии. Идеология вездесуща, воинствующа, всепроникающа, действует по закону железной трубы, имеющей два конца и неоставляющей выбора: либо с нами, либо против нас;

– репрессивность. Подведение явлений под искусственные доктринальные схемы не может не сопровождаться профилактической опричной работой: ведь если ложь – принцип, то насилие – метод. Проявляя экспансивную сущность и адресуя установки массам, идеология подталкивает их к соответствующим пере-кройкам (перестройкам) действительности, связанным с насильственным принятием экзистенциальных, поведенческих, мыслительных стандартов, правил общежития, способов жизни. Несогласные как слой искореняются. В практической амбициозности, предвзятости, силовой нетерпимости скорее запустить доктрину в реальность, исходя из логики борьбы и условий, а не требований объективного обстоятельства дел, заключается глубинная агрессивность идеологии, берущей на вооружение наиболее прямолинейный и одновременно тривиальный метод развязок каких бы то ни было проблем – метод Александра Македонского.

Как видно, идеология, представляя сорт превращенного отображения действительности с превалированием С-интенций, оказывается продуктом политипических симбиозов догматизма и начетничества, лицемерия и утопии, застойности мысли и узости интеллекта, рассогласованности слова и дела, тенденциозности и агрессивности и т.д. Индуцируемые идеологией дереализация и дезориентация духовности, разумеется, опасны, однако не в них одних дело. Гораздо опаснее то, что, овладевая массами, идеология реализует себя как мощная материальная сила, – сила, отличающаяся воинственностью и слепотой. Идеология, следовательно (используем оборот Ортеги-и-Гассета): не просто объявляет «шах» истине, не просто деформирует познание и практику. Идеология в точном смысле слова обладает натуральной убойной силой, на деле разбивает жизни и судьбы общества и опекаемых им людей.

Знание есть объективно и субъективно достаточное признание истинности суждения. Познание вообще охватывает всю сферу суждения – предикативного и допредикативного, все виды мысли, приобретающей любую форму (от вербальной до визуальной, изобразительной, музыкальной); в нем находят материализацию различные варианты удостоверения содержания, акты веры в разнообразных модальностях. Познание, следовательно, – производительный процесс, результатом которого выступает *многообразие* знания. Здесь же, расценивая знание как форму сознательного признания истины, уместно подчеркнуть следующее.

Схоластическая философия толковала познание через призму модели двух заведенных часов: имеется начало *principium essendi* и начало *principium cognoscendi*, по которым все, долженствующее быть, существует, а все существующее – познается. Правда, против этой наивно-реалистической модели восстает весь наш познавательный опыт: в мире масса не познанных вещей, добротного знания о которых не имеется.

Знание – не божий дар, а результат демонстрации. Будучи средоточием О- и С-интенций, воплощенных в суждении, знание кристаллизуется и по азимуту от сущего, и по азимуту от субъективного отношения к истине. О-интенция постав-ляет материю знания, С-интенция задает порядок восприятия мира, постав-ляет право наделять информацию объективной значимостью. В результате возникает универсально согласованное понимание действительности, базирующееся на дис-курсии; мысль и объект утрачивают самобытность, переходя в среду, где мир как взаимосогласованное целое существует для нас – в виде достоверной рациональ-ной реконструкции. Мир знания поэтому *есть мир в логической форме*. Об ином, о нелогическом мире мы лишены возможности знать [3, 134; 4, 210].

Сфера знания – необозрима, необъятна. Но есть в нем нечто, позволяющее различать общую основу ее составляющих. Это нечто – специфический гносеологический этос (совокупность ценностей, правил, предписаний, стандартов, канонов, императивов), задающий и регулирующий сам ход освоения предметности, генерации результатов, отстаивания убеждений, отношений к коллегам и наследию. Здесь сконцентрирована своеобразная «порождающая грамматика» тех конкретных, крайне различных, переменчивых идей, концепций, теорий, действий, которые в богатстве своем образуют динамический массив реальной науки.

Гносеологический регламент знания (разумеется, в идеале) – свод жестких, точно формулируемых требований к формам получения, удостоверения и признания истин. В отличие от прочих видов интеллектуальных занятий в деле разыскания истины представитель знания руководствуется началом достаточного основания. Согласно последнему ни одно допускаемое в «знание» положение (в идеале) не может считаться истинным и справедливым без явного основания, почему именно дело обстоит так, а не иначе. Впрочем, в более развернутой редакции закон достаточного основания предъявляет ко всякому входящему в «знание» утверждению три требования: 1) во всяком утверждении субъект должен заключать достаточное основание предиката; 2) утверждения должны быть достаточно обоснованы в опыте и законах мышления; 3) утверждения должны быть необходимо обоснованы с помощью других утверждений (выведены из родовых утверждений) [5, 202]. Закон достаточного основания намечает водораздел «знания» и «незнания»: в «знание» допускаются лишь всесторонне апробированные, выверенные, подвергшиеся экспертизе единицы познания. Составляющие «незнания» не являются необходимо обоснованными; обоснованность же фрагментов «знания» такова, что характеризуется необходимостью (аподиктичностью). Аподиктичность знания, означающая его принудительность для всякого субъекта познания, конституируется внутренним строем знания, его логической организованностью, понимаемой как архитектурная упорядоченность знания.

Группа разобценных идей не образует знания. Для этого требуется много больше, а именно: «систематическая связь в теоретическом смысле», под которой понимается обоснование знания и надлежащий порядок в ходе обоснования [6, 167]. Категории «систематически связанное», «логически обоснованное», «структурно упорядоченное» обозначают композицию знания, построенного по принципу познания «из основания». Этот принцип в итоге и обуславливает тот тип отношения субъекта к истине в условиях знания, какой характеризуется «обязательностью признания».

Факт обязательности признания в форме принудительной реакции «нормально мыслящего» субъекта на комплексы надлежаще обоснованного, логически эксплицитного, аподиктичного знания давно зафиксирован в гносеологии. Чувство, с каким мы воспринимаем суждение знания, является в точном смысле имперсональным, надличностным: комбинируя суждения, рассуждая, мы чувствуем себя связанными ощущением очевидности, которое реализуется как транссубъективное, надындивидуальное повеление, которое обязывает согласовывать с собой наши квалифицирующие и поисковые акты. Поэтому отсутствие аподиктичности в рассуждении выступает показателем выхода за пределы знания (последовательной дискурсии), где проявляется состояние субъективной неуверенности: исходя из каких оснований, как рассуждать, реализовывать способности суждения.

Обобщая отметим, что устанавливаемые по закону достаточного основания условия «знания» – сугубо дискурсивно достоверные. Не случайно, вообще говоря, уже Платон, выявляя гносеологическую специфику знания в отличие от субъективной убежденности типа мнения, объявлял условия первого рациональ-

ными, а условия второго – чувственными. Так, пожалуй, впервые возникло понимание различия ощущаемой (незнание) – «идеационной» (знание) истины.

Сфера незнания может включать истину, но эта истина остается «в себе», не являясь должным образом удостоверенной. Специфической чертой ненауки является ее соответствие нерелективной стадии интеллекта, необремененного контролем, анализом своих собственных ресурсов (процедуры образования и преобразования знания) и стремящегося вывести истину из «чувственной реальности». Что же касается сферы знания, то она содержит концептуально одетствованную, рационально обработанную истину. Значит, знание следует связывать со способом приобщения субъекта к истине, именно: приобщение согласно кодексу рациональности (баланс О- и С-интенций), принятому в такой форме познавательной деятельности как знание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Философия. Логика. Язык. Сборник статей. М.: Прогресс, 1987. 331 с.
2. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Сочинения. Т.1. М.: Мысль, 1965. 736 с.
3. Пэко П.Ф. Элементы философии наук. М.: Университетская библиотека, 1915. 224 с.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон, 2008. 288 с.
5. Липпе Т. Законы логики. СПб: О.Н. Попова, 1902. 301с.
6. Гуссерль Э. Логические исследования. М.: АСТ, 2000. 752 с.

A. Osipova

ABOUT A SUBJECTIVE TRUTH RECOGNITION

Abstract. Investigating a phenomenon of a recognition of true as complex the certificate, the author in detail considers essence and interrelation of the objective and subjective bases of this phenomenon. It is proved, constituting the objective basis of a recognition something true object-intentsija of judgements sufficiency and universality should possess such characteristics as. Three steps of a recognition of the validity on the subjective basis are isolated: opinion, belief and knowledge. The maintenance of these steps as spirituality components, features of their crystallisation reveals. The phenomenon of ideology as the form of the certificate of true on the insufficient objective and sufficient subjective bases is in this connection considered, its immanent specificity as versions tendentious, spirituality of consciousness is analyzed.

Key words: knowledge, opinion, belief, ideology, a truth recognition, demonstration, the certificate of the informative maintenance.